

КУЛЬТУРНЫЙ ЭТОС Л.Н. ТОЛСТОГО

И. В. Рождественская

*Тульский
государственный
педагогический
университет
им. Л.Н.Толстого*

В статье рассматривается понятие культурного этоса как своеобразия культуры дворянской усадьбы, его взаимосвязь с творчеством Л.Н. Толстого, влияние усадебного топоса на формирование религиозно-нравственного учения Л.Н. Толстого через понятие «семейного этоса» как важнейшей составляющей культурного этоса Л.Н. Толстого.

Ключевые слова: дворянская усадьба, семейный этос, этос.

Культура дворянской усадьбы занимает особое место в истории России. «Классическим веком русской усадьбы можно считать тот период истории, когда она, сохраняя основные формы организации хозяйственной практики, активно заявляла соответствующие ей модели культурного поведения. Усадебный топос активно формировал зависимые от него формы ментальности. Образы пространства и образы жизни оказывались связаны типологией культурного присутствия человека — единством поведенческих жанров»¹. Культура дворянской усадьбы формировала культурный этос как совокупность географического и духовного пространства. Культурный этос связан, таким образом, 1) с географическим пространством, местоположением, которое характеризуется определенным ландшафтом; 2) это пространство, определяется наличием людей, связанных узами родства, рода, что позволяет характеризовать его как «семейное гнездо»; 3) усадебное пространство характеризуется особым патриархальным укладом хозяйственной жизни; 4) для усадеб характерен особый образ и стиль жизни его обитателей; 5) усадьба формирует культурно-исторический тип личности, характеризующийся характерной ментальностью и своеобразной моделью поведения.

Д.М. Мережковский одним из первых исследовал проблему влияния топоса на творчество Л.Н. Толстого и Достоевского, показав взаимосвязь городского и усадебного топоса на характер их художественного творчества в своей работе «Л. Толстой и Достоевский: вечные спутники».

Цель статьи заключается в том, чтобы раскрыть влияние культурного этоса на творчество Л.Н. Толстого, охарактеризовать связь усадебного топоса с формированием религиозно-нравственного учения Л.Н. Толстого, раскрыть понимание им целостности духовного и телесного, нравственного и религиозного.

Культурный этос Л.Н. Толстого связан с культурно-историческим окружением, которое определяет и во многом способствует развитию творческого потенциала великого мыслителя. Толстой любил повторять мысль о том, что Ясная Поляна — то место, в котором он физически родился и вырос, которое во многом вдохновило и воспитало его как художника и мыслителя, определило и развило творческие силы. Ясная Поляна — это старинное барское родовое гнездо было тем истоком, который дал возможность проявиться творческому и художественному гению Толстого, и его мудрости. Именно здесь, в тени яснополянских яблонь и тополей, в стремительности прямоты яснополянского прешпекта, в лоне застенчиво-прекрасной природы среднерусской полосы, рождаются те самобытные идеи и образы, которые составляют славу русской культуры.

Этос Толстого — это та среда обитания, пространство, которое представляет собой не только географическое местоположение, но, прежде всего, духовное, которое одухотворено родовыми семейными, родственными связями, отношениями, рождающими и формирующими «чувство жизни», то чувство, которое определяет человеческое духовное и нравственное начало в каждом человеке. Поэзия рождения «чувства жизни» особенно ощутима в детстве. Именно поэтому Толстой свои первые художественные впечатления и исследования чувства жизни посвящает детству в своей знаменитой трилогии.

¹ Летагин Л.Н. Усадебный ландшафт России. <http://aesthetics-herzen.narod.ru/collegium/leo/leo-land.htm>.

Этос Толстого – это место жизни, уклад и образ жизни, семья, семейные отношения, которые, формируют, развивают, питают родовыми, семейными истоками творческий гений мыслителя. Этос Толстого – это понятие не только материальное, но это понятие и духовное, в нем как бы уравниваются эти две составляющие человеческого бытия.

Ощущение чувства жизни для Толстого чрезвычайно важно и от того, как оно сформируется в самом истоке человеческой жизни, зависит, прежде всего, развитие и воспитание человеческой души. Ребенок, по мнению Толстого, остро чувствует настоящие истинные проявления чувств. Именно поэтому он «бережет свою душу, как веко бережет глаз, и без ключа любви никого в нее не пускает». Ребенок знает истинные проявления нравственности и добра, поэтому «притворство в чем бы то ни было не может обмануть самого умного, пронзительного человека, но самый ограниченный ребенок, как бы оно ни было искусно скрывается, узнает его и отвергается». Поэтому детство – это время, «когда две лучшие добродетели – невинная веселость и потребность любви – являются единственными побуждениями к жизни»². В детстве человек интуитивно ощущает в себе целостность чувства жизни, поэтому «дети мудрее взрослых. Ребенок не разбирает звания людей, а всей душой чувствует, что в каждом человеке живет то, что одно то же и в нем и во всех людях»³.

Чувство жизни, возникающее в начале жизни, – является тем духовным истоком, которое побуждает, дает толчок душе к первым поэтическим ощущениям бытия, в котором соединяются жизнь, смерть и рождение, истина, красота и добродетель. Толстой в своей работе «Круг чтения», в разделе «Детство» приводит высказывание любимого писателя Амиеля, в собственном переводе, что отражает в известной степени его собственное мирозерцание: «Благословенно детство, которое среди жестокости земли дает хоть немного неба. Эти восемьдесят тысяч рождений, о которых свидетельствует статистика, составляют как бы изливания невинности и свежести, которая борется не только против уничтожения рода, но и против человеческой испорченности и всеобщего заражения грехом. Все добрые чувства, вызываемые около колыбели и детства, составляют одну из тайн Провидения; уничтожьте вы эту освежающую росу, и вихрь эгоистических страстей как огнем высушит человеческое общество... Благословенно детство за то благо, которое оно дает само, и за то добро, которое оно производит, не зная и не желая этого, только заставляя, позволяя себя любить. Только благодаря ему мы видим на земле частичку рая. Благословенна и смерть. Ангелы не могут нуждаться ни в рождении, ни в смерти для того, чтобы жить; но для людей необходимо и неизбежно и то и другое»⁴.

Чувство жизни, возникающее в детстве, связано, прежде всего, с ощущением тела, телесностью. Первое воспоминание о себе, о проявлении чувства жизни связано у Толстого с младенчеством, с корытом, в котором его купают. Чувство, которое его охватывает – это чувство удивления и свободы. Эти первые воспоминания детства формируют «первые невинные ощущения» от своего маленького голого тельца с выступающими ребрами». И в то же самое время с чувством глубокого удивления, возмущения и даже гнева младенческое ощущение несвободы и зависимости, связанные с пеленанием, «пленением тела», пленением свободы.

Согласно Толстому это первые ощущения телесности, своего тела, первое осознание душой тела как своего вместилища. Толстой постоянно подчеркивает, что духовное и телесное проявляются только в целостном единстве: «Говорить, что то, что мы называем собою, есть только тело, что и мой разум, и моя душа, и моя любовь, все только от тела, говорить так, все равно, что говорить, что то, что мы называем нашим телом, есть только та пища, которой питается тело. Правда, что тело мое это только переделанная телом пища и что без пищи не было бы тела, но тело мое не пища. Пища это то, что нужно для жизни тела, но не тело. То же и про душу. Правда, что без моего тела не было бы того, что я называю душой, но все-таки душа моя не тело. Тело только нужно для души, но тело не душа. Не было бы души, я бы и не знал, что такое мое тело. Начало жизни не в теле, а в душе»⁵.

² Толстой Л.Н. Круг чтения. М., Изд-во политической литературы, 1991. С. 18.

³ Толстой Л.Н. Путь жизни. М., Республика, 1993. С. 35.

⁴ Толстой Л.Н. Круг чтения. С. 17.

⁵ Толстой Л.Н. Путь жизни. С. 24.

Ключевую роль в формировании религиозной философии Толстого сыграл семейный этос. Именно он явился одним из истоков развития его идеи непротivления. Пространство семейной жизни мыслитель воспринимает одновременно и как стимул для духовного совершенствования и как препятствие для нравственного роста. Эта противоречивость его восприятия семейного этоса является выражением кризиса патриархальной семейственности.

Семейный этос, по мнению Толстого, являясь препятствием для духовного роста личности, связан с грехом, в силу того, что он усиливает и оправдывает такие негативные с нравственной точки зрения чувства человека как стремление к обогащению, завладением собственностью. Более того, безнравственность семейного соблазна⁶ заключается в оправдании этого греха, который состоит в том, что человек, делая грехи, оправдывает их благом своих детей⁷. В то же самое время «особое коварство «семейного соблазна» состоит в том, что, если любить врагов, чужих, немилых людей можно без осторожности, вполне отдаваясь этой любви, то нельзя так любить семейных, потому что такая любовь ведет к ослеплению и оправданию грехов»⁸.

Толстой понимает, что семейный соблазн связан с тяжелыми нравственными испытаниями и нравственными уроками, ориентирующими на духовный рост личности. Он приходит к выводу, что семейный соблазн мотивирует развитие таких добродетелей как терпение, смирение, выражающих действие принципа непротivление злumu: «Грехи, соблазны и суеверия – это та земля, которая должна покрывать семена любви для того, чтобы они могли взойти», поэтому «борьба с ними и победа над ними – в этом смысл и радость человеческой жизни»⁹.

«Тяжесть от пустой, роскошной, лживой московской жизни и от тяжелых или, скорее, отсутствующих отношений с женой... Господи, помоги мне. Научи меня, как нести этот крест. Я все готовлюсь к тому кресту, который знаю: к тюрьме, виселице, а тут совсем другой – новый, про который я не знаю, как его нести. Главная особенность и новизна его та, что я поставлен в положение невольного, принужденного юродства, что я должен своей жизнью губить то, для чего одного я живу, должен этой жизнью отталкивать людей от той истины, уяснение которой дороже мне жизни. Должно быть, я дрянь. Я не могу разорвать всех этих скверных паутинок, которые сковали меня. И не от того, что нет сил, а оттого, что нравственно не могу; мне жалко тех пауков, которые ткали эти нити»¹⁰.

Это высказывание подчеркивает то, что Толстой понимает, что труднее всего любить и прощать близким людям, поэтому та «духовная стена», которая вырастает между близкими людьми в семье в результате гнева, обид и непонимания, – ужаснее и страшнее всего. Однако узы родства, родственная близость не позволяют считать домашних врагами и злодеями. Поэтому именно эти родственные, кровные узы должны заставить терпеть в семье обиды, забывать зло, увидеть, что оно происходит не от силы, а от слабости человека, его незнания и непонимания добра, блага.

«Стало мне ясно, – пишет Толстой, – что в существующем зле не только нельзя обвинять никого, но что именно обвинения людей и делают все зло. Вспомнил Марка Аврелия или Эпиктета (не помню), который говорит, что на делающего зло не только нельзя, не должно сердиться, но его-то и жалеть надо. А тут сердятся на людей, воспитанных в том, что хозяйственность – добродетель, что хорошо наживать, не проматывать отцовское, дедовское... Надо войти в положение людей и судить людей исходя из того, что мы все люди, все братья, и нам надо судить себя, а не других»¹¹.

⁶ «Люди, вступая в семейную связь, преимущественно женщины, бывают склонны думать, что их любовь к своей семье, к детям и есть то самое, чего требует от них их разумное сознание, и что поэтому, если в семейной жизни приходится совершать грехи для удовлетворения потребностей семьи, то эти грехи простительны». Толстой Л.Н. Христианское учение // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 24 т. М., 1913. Т. XV. С. 209.

⁷ Там же. С. 208.

⁸ Мелешко Е.Д. Христианская этика Л.Н. Толстого. М., «Наука», 2005. С. 212.

⁹ Толстой Л.Н. Путь жизни. С. 81.

¹⁰ Толстой Л.Н. Дневники 1847-1894. С. 500.

¹¹ Толстой Л.Н. Дневники 1847-1894. С. 213.

Таким образом, терпение и терпимость к слабостям домашних, смирение и непротавление перед обидами представляет собой своеобразный семейный этический кодекс, который в последующем перерастает в мировоззрении Толстого в культурную детерминанту модели социальных отношений: «Ветвь, отрезанная от своего сучка, тем самым отделилась от целого дерева. Так и человек при раздоре с другим человеком отрывается и от всего человечества. Но ветвь отсекается чужой рукой, человек же сам своей ненавистью отрезает себя от ближнего своего и не думает о том, что он этим отрывает себя от всего человечества»¹².

Семейный этос, родственные узы, а главное, семейные отношения и поведение в семье особенно важны для Толстого, так как в этих отношениях, мотивации и поведении проявляется универсальность системы социальных отношений, что требует «абсолютного отказа от насилия. Ненасилие Толстого, осмысленное в качестве интеллектуальной позиции, умещается в один простой силлогизм: Все люди – братья. Враги (те, кого мы считаем врагами) – люди. Враги – братья»¹³.

Следовательно, непротавление злему есть, также то средство, которое дает возможность противостояния конфликтам, которые в своей совокупности представляют собой побуждение, мотивацию к совершению зла. Поэтому семейный этос Толстого представляет собой своего рода проекцию кантовского «вечного мира» в семейных отношениях.

В то же самое время семейный опыт явился главным фактором тактики поведения и всего образа жизни Толстого, определившим характер, содержание семейного этоса.

Этот семейный опыт Толстого проявляется через конфликты, которые происходят в семье, в совокупности своей представляющие семейное зло, как «непосредственная причина, побудившая его встать на позиции непротавления, явился конфликт собственности в семье Толстого»¹⁴.

В конце 80-х годов Толстой разочаровывается в филантропии и благотворительности, о чем он напишет в статьях, посвященных голоду и в работе «Так что же нам делать?». Главная причина, которая порождает грех собственности, является, по мнению мыслителя, суеверие собственности. Суеверие собственности¹⁵ – есть привычка сознания представлять, что собственность является неотъемлемой частью жизни и культуры. Собственность, по мнению Толстого, есть заблуждение разума, приверженность людей представлять, что «так же, как право собственности на жену, сына, раба, лошадь, есть фикция, которая уничтожается действительностью и только заставляет страдать того, кто верит в нее, потому что жена, сын никогда не будут подчиняться моей воле, точно также и собственность денег и всяких внешних предметов никогда не будут собственностью, а только обманом самого себя и источником страданий, а собственностью останется только мое тело, то, что всегда подчиняется мне и связано с моим сознанием»¹⁶. Толстой приходит к выводу, что именно «собственность есть корень зла». Толстой ставит перед собой задачу избавиться от «суеверия собственности», раздать имущество и сделаться нищим, подобно Франциску Ассизскому, чтобы иметь право беспрепятственно делать добро.

«Об отношении к своему состоянию, – пишет Берс, – Лев Николаевич говорил мне, что он хотел избавиться от него, как от зла, которое тяготило его при его убеждениях; но он поступал сначала неправильно, желая перенести это зло на другого, то есть непременно раздать его, и этим породил другое зло, а именно – энергический протест и большое неудовольствие своей жены. Вследствие этого он предлагал ей перевести все состояние на ее имя, и когда она отказалась, он то же, и безуспешно, предлагал своим детям». Поэтому «не желая противиться жене насилием, он стал относиться к своей собственности так, как будто ее не существует, и отказаться от своего состояния, стал игнорировать свою судьбу и перестал им пользоваться, если не считать того, что они живут под кровлею яснополянского дома»¹⁷.

¹² Толстой Л.Н. Путь жизни. С. 42.

¹³ Гусейнов А.А. Ненасилие как интеллектуальная позиция // Л.Н. Толстой и традиция ненасилия в двадцатом веке: (Материалы симпозиума). М., 1996. С. 6-7.

¹⁴ Мелешко Е.Д. Христианская этика Л.Н. Толстого. С. 215.

¹⁵ Определяя понятия соблазна и суеверия, Толстой пишет: «От тела – грехи, от мнения людей соблазны, от недоверия своему разуму – суеверия» // Толстой Л.Н. Путь жизни. С. 77.

¹⁶ Толстой Л.Н. Так что же нам делать? // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 24 т. М., 1913. Т.17. С. 61.

¹⁷ Берс С.А. Воспоминания о графе Л.Н. Толстом (в октябре и ноябре 1891 г.). Смоленск. 1893. Цит. По: Мережковский Д.С. Л.Толстой и Достоевский: вечные спутники. С. 27.

Конфликт собственности побудил Толстого впоследствии оставить дом, Ясную Поляну и уйти в вечность.

В то же самое время конфликт собственности был постоянным стимулом, мотивом нравственного самосовершенствования. Хотя «совершенство нравственное недостижимо,- пишет он, – но приближение к нему есть закон жизни человеческой»¹⁸. Поэтому «последствия внешние не в нашей воле, но усилие всегда возможно, и благотворные внутренние последствия всегда сопутствуют усилию»¹⁹.

Исполняя закон самосовершенствования, Толстой понимал, что его исполнение зависит от степени усилий – постоянной внутренней работы. По мнению мыслителя «усилия – не средство достижения блага, но сами усилия дают благо»²⁰. Усилия эти направлены на преобразование души. Мережковский, подчеркивая это, пишет: «вся жизнь и смерть его – одно усилие бесконечное...изнемогает, падает. Да, если кто-нибудь восхищал Царство Божие усилием, то это – он. Не святой, не пророк, не учитель, а рабочий, черно-рабочий, поденщик Христов»²¹.

Список литературы

1. Толстой Л.Н. Круг чтения. М., Изд-во политической литературы, 1991.
2. Толстой Л.Н. Путь жизни. М., Республика, 1993.
3. Толстой Л.Н. Христианское учение Полн.собр. соч.: в 24 т.М., 1913. Т.XV.
4. Мелешко Е.Д. Христианская этика Л.Н. Толстого. М., «Наука», 2005.
5. Толстой Л.Н. Дневники 1847-1894.
6. Гусейнов А.А. Ненасилие как интеллектуальная позиция// Л.Н. Толстой и традиция ненасилия в двадцатом веке: (Материалы симпозиума). М.,1996.
7. Толстой Л.Н. Так что же нам делать Полн.собр. соч.: в 24 т.М., 1913.
8. Берс С.А. Воспоминания о графе Л.Н. Толстом (в октябре и ноябре 1891 г.). Смоленск. 1893 Цит. По: Мережковский Д.С. Л.Толстой и Достоевский: вечные спутники.
9. Мережковский Д.С. Поденщик Христов//Русские мыслители о Льве Толстом. Сб. статей. Ясная Поляна. 2002.
10. Толстой и традиции ненасилия в двадцатом веке: (Материалы симпозиума). М., 1996.

L.N. TOLSTIY'S CULTURAL ETHOS

The article deals with the notion of cultural ethos as a peculiarity of nobility manor. Its interrelation with L.N. Tolstoy's work, the inference of manor ethos on Tolstoy's moral-religious theory through the notion of "family ethos" as one of the most important components of the cultural ethos of L.N. Tolstoy.

I. V. Roshdestvenskaya

The Tula state pedagogical university n.a. l. Tolstoy

Key words: nobility, manor, family ethos, ethos.

¹⁸ Толстой Л.Н. Круг чтения. М., Республика,1993.Т. 2. С. 174.

¹⁹ Там же. Т.2. С. 175.

²⁰ Там же. Т.2. С. 12.

²¹ Мережковский Д.С. Поденщик Христов//Русские мыслители о Льве Толстом. Сб. статей. Ясная Поляна. 2002. С. 458.